

Игорь Шестков "Инес"

И Н Е С

У меня в руках был чемодан — и я знал, что это все, чем я владею на земле. В чемодане хранились мои рисунки и несколько любимых книг.

Когда-то, еще в моей московской жизни, у меня и впрямь был такой, старинный, с металлическими заклепками на углах чемодан, и в нем я действительно хранил свои рисунки тушью. Куда-то он потом делся, исчез... или я его просто выкинул... не помню... но в том моем позавчерашнем сне чемодан вернулся ко мне, налился тяжестью тысяч бумажных листов и... и тащить его во сне было также трудно, как и в бодрствующем состоянии.

Да, во сне... я вылез из круглого отверстия в стене дома, похожего на дольмен... и пошел по тротуару широкой улицы, по обеим сторонам которой стояли одинаковые дома, тоже похожие на огромные дольмены или скворечники. Без окон, с круглыми, грубо вырубленными в массивных бетонных стенах, отверстиями. И вот, иду я по выложенному громадными плитами тротуару, тащу чемодан.

Автомобильного движения на улице нет, но в темно-коричневом небе, прорезанным зловещими золотистыми волокнами, летают странные самолеты... они напоминают мне детские игрушки, сделанные из полированного дерева... на носках у них пропеллеры... они производят несносный шум, эти бипланы... уродливые, несимметричные машины.

Я подхожу к перекрестку... и вдруг осознаю... что не знаю куда идти... что забыл, где я живу.

Это приводит меня в ужас. Я начинаю бегать туда-сюда... я мечусь как угорелый... в ночи... по этим бесконечным улицам, среди ужасных одинаковых домов, похожих на дольмены.

Теряю где-то свой чемодан и не сожалею о потере.

Неожиданно сам для себя забегаю в внезапно открывшийся передо мной туннель... я бегу по туннелю и мне кажется, что кто-то преследует меня и вот-вот вопьется мне в спину зубами... выбегаю на квадратную площадь.

Посреди ее стоит монумент — огромная, отлитая в бетоне игральная кость, а на ней восседает обнаженный мужчина — колосс с головой и клювом тукана. Длинная его шея изогнута, голова запрокинута, он смотрит в небо прямо над собой.

Я пробегаю под его двадцатиметровыми бедрами и оказываюсь перед домом с полукруглой надписью на фасаде — ПОЛИЦИЯ. Открываю маленькую дверцу и попадаю в зал, на противоположной стороне которого стоит письменный стол... за ним сидит симпатичная дама и читает какую-то казенную бумагу. Я иду к ней, под ногами у меня хрустит песок.

— Меня зовут Антон Сомна, я забыл, где я живу. Не могли бы вы мне помочь? Полицейская дама кивает мне почти благосклонно.

— Покажите паспорт, господин Сомна.

Я вынимаю из кармана толстую книжечку — и подаю ее блюстительнице порядка. Я знаю, что в паспорте мой адрес не указан, но верю в силу ее власти, верю, что она умеет читать между строк... терпеливо жду... а она листает мой паспорт и водит по его испещренным печатями страницам рукой, как будто читает книгу для слепых. Она кладет паспорт на стол, открывает один из ящиков письменного стола и достает оттуда толстую пыльную книгу... ищет страницу... находит... и кивает удовлетворенно.

Смотрит на меня... в ее взгляде — ледяное презрение. Пауза затягивается.

Зыбучий песок у меня под ногами начинает затягивать меня в свои жуткие недра. Я хватаюсь за стол... умоляюще смотрю на полицейскую даму... я готов простить ей ее презрение ко мне... мне только нужно узнать адрес... я хочу домой... лечь в теплый угол и забыться сном.

Наконец она прерывает молчание.

— Господин Сонма, вашего имени нет в списке. Но я нашла рапорт полиции Миранды. Вы умерли во сне тридцать четыре года назад, и с тех пор незаконно бродяжничаете в нижних мирах... Поймите, вам нет места среди нас! У вас нет тут пристанища. Я не могу разрешить вам вечно странствовать!

Она говорит, а ее приятное лицо искажается, превращается в морду тукана, за ее спиной отрастают крылья. И вот, она уже раскрывает свой огромный клюв и взлетает.

И зал оглашается ее невыносимым клекотом и скрежетом ее когтей.

...

Проснувшись в холодном поту на узкой койке, я решил во что бы то ни стало снять собственное жилье. В тот же день направился в общину и попросил секретаршу порекомендовать мне квартирного маклера. Она спросила меня, есть ли у меня деньги, и, услышав утвердительный ответ, тут же позвонила куда-то. Потом передала трубку мне. Меня спросили о квартплате, которую я готов платить и районе, в котором я хотел бы жить. Я ответил. Попросили подождать, сказали, что перезвонят.

Через полчаса некий господин Брукнер назначил мне встречу на завтра.

Я прибыл на место встречи на четверть часа раньше указанного времени, чтобы не спеша осмотреться.

Нда... улица, как улица. Не широкая, шагов двадцать. Движение довольно бойкое. Выхлопами воняет и чем-то еще более тошнотворным. Ацетоном? Серой?

Дома солидные, построены еще до Первой мировой. Все пятиэтажные, с высокими двускатными крышами, стоят блоком, без пустот, облицованы зеленоватой керамикой. Фонари старинные, покосившиеся, газовые что ли? Почему их не поправят?

Дома напротив покинуты жителями, подъезды заколочены досками, на окнах — фанерные щиты. На одном из них граффити — синий череп, высунувший длинный раздвоенный язык. На другом — портрет печального Цезаря. На его лысой голове диадема, он одет в ночную рубашку. Цезарь положил свою тонкую руку на деревянный подлокотник, на его плече сидит гриф.

...

Господин Брукнер, несколько старомодный джентльмен среднего роста, прибыл точно в назначенное время. Вылез из своего черного пикапа, молодецки притопнул ногой, дернулся как-то неестественно, огляделся, потрогал горло, посверкал золотым перстнем на мизинце, криво, но учтиво поклонился, приподняв свой рыжеватый цилиндр, и уверенно показал мне, куда идти. Обошлись без рукопожатия.

Нырнули в темную арку. Пахнуло гнилью. Справа — три ступеньки и дверь в

подъезд. Тяжелая, замызганная, снизу как будто обгрызанная крысами. В подъезде пахло кошатиной. Предлагаемая мне квартира — единственное жилье на первом этаже. Рядом — нежилое помещение, в котором во времена ГДР помещался танцзал, а до войны — бордель «Кэтти Крузе»... все девки там были толстые как свиньи, но одеты как куколки, в пестрое шелковое полупрозрачное белье... и размалеваны соответственно, пояснил Брукнер. Маклер потряс увесистой связкой ключей, открыл входную дверь, пустил меня, зашел сам, и тут же начал, слегка заикаясь, расхваливать квартиру, или, как он ее называл, «студию». При этом почему-то ходил по кругу, как цирковая лошадь, даже не ходил, а медленно бежал, поднимая с пола облака пыли и встряхивая крупом, отчего нелепо, горбом, вздымалась, показывая свою клетчатую изнанку, серая пелерина на его пальто. Несколько раз кудахтанье маклера прерывалось ржанием или бляньем.

— Недалеко от центра! Парк, кирха, городской пруд — все рядом! Гуляйте, молитесь, лодку возьмите на станции и гребите себе, сколько хотите! Бе-еее... Конечно, не шик! Но для несемейного мужчины хватит. Я слышал, вы художник! Нам сейчас тут только художников не хватает! Ну что же, продадите кучу картин, разбогатеете, снимете себе квартиру на Касберге. Или купите виллу. Пригласите меня тогда на пельмени. Все русские едят пельмени и борщ! И пьют водку. Я знаю, меня приглашал ваш комендант. Я потом болел три дня. Что? Вы не пьете? Чудесно! Будете жить долго-долго! И-ии-го-го! До автобусного вокзала — сто метров, до железнодорожного — десять минут идти. До Мюнхена ехать — шесть часов, до Берлина — два с четвертью. Только не работает дорога, у нас наводнения, знаете ли... Рядом кондитерская, за углом — Эдека, за другим углом — угольная торговля, не придется везти уголь издалека. Мой вам совет — покупайте брикеты. Не берите ужасный польский уголь. От него только вонь, как от вашего социализма. Да, да... отопление печное, но зато... небывало низкая квартплата! Где еще вы снимете студию за двести десять? Даром, даром, отдаю! Только для вас. Залог — пятьсот. На всякий случай... Я надеюсь, вы не замажете помещение красками, не спалите дом и купите домашнюю страховку. Гонорар маклера — сто пятьдесят. Заплатите залог, гонорар и квартплату за два месяца вперед — и въезжайте хоть сегодня. Прямо

сейчас! Можно наличными, под расписку. И кровать от прошлого жильца, настоящий палисандр, достанется вам! Спите на здоровье как бог во Франции! Вот и ключи! И-и-и-ии-го-го!

Маклер увидел в моих руках купюры и заржал особенно громко.

Подбоченился, подпрыгнул и щелкнул ножкой о ножку. Пелерина взлетела как орел, но тут же приземлилась на его плечи. Брукнер чихнул, задохнулся, закашлялся, потрогал горло... вручил мне три ключа, глянул многозначительно на меня потерявшими глубину глазами безнадежного кокаиниста, и сказал доверительно, как на исповеди: Да, совсем забыл, вас тут ожидает один очаровательный сюрприз!

После чего стремительно покинул квартиру, не забыв впрочем уже с лестничной клетки напомнить мне о том, что я должен зайти завтра в десять в его бюро и подписать договор об аренде. Я был рад больше не видеть его сумасшедшего кружения, не слышать его резкого, похожего на птичий голоса, то опереттному подобострастного, то мелодраматически-угрожающего, от которого у меня зудело в ушах.

Обошел еще раз мою студию.

Две комнаты. Первая — вроде как прихожая. В ней — стол, стул, черный от грязи умывальник, на котором лежала поржавевшая опасная бритва, изготовленная кажется еще до отставки кайзера, газовая плита на две горелки, печка... отделенный от остального помещения тонкими стенками туалет без двери, открытый душ, унитаз, а на стене еще два писсуара, в одном из которых валялись окурки, а к пожелтевшей внутренней стенке другого прилипли несколько лобковых волосков, не похожие на знаки вопроса. Окна в прихожей не было. Точнее, было — небольшое застекленное окошечко, но не на улицу, а во вторую комнату.

Чтобы войти из прихожей во вторую, главную комнату студии нужно было открыть ключом английский замок. Что за фантазия?

Вторая комната была просторной, светлой, метров тридцать пять квадратных... или сорок... три больших старинных окна выходили на улицу.

Только теперь я заметил, что форма этого помещения была, мягко говоря, необычной. Неправильный пятиугольник! Основанием ему служила длинная

стена, прорезанная окнами. Примыкающие к основанию стены не составляли с ним прямого угла. Из двух оставшихся стен — одна была коротенькая, а другая — длинная и кривая, вогнутая. Очевидно за ней и помещались танцзал и «Кэтти Крузе». Потолок не был горизонтальным, а как бы скатывался от основания к вогнутой стене. Стены комнаты явно не выдержали бы проверку отвесом, а покрытый растрескавшимся линолеумом пол в студии вздымался небольшими волнами.

Но самым странным в этой комнате была не ее форма, а железная винтовая лестница в темном углу, не ведущая никуда, исчезающая в потолке и возможно винтящаяся дальше в квартире надо мной и выше, до самой крыши.

Упомянутая маклером кровать стояла под окошком в прихожую. Старый ее, покрытый радужными пятнами, матрас прохудился и потерял изначальную форму. Я присел на краешек кровати и несколько раз сильно ее качнул. Кровать жалобно заскрипела, но не сломалась. Обрадовался — не надо покупать новую! Денег у меня было в обрез, средства на переезд дала мне одна пожилая немка, Габи, с которой я познакомился в нашей общине. Сунула мне в карман тысячу двести марок и прошептала: Отдадите, когда найдете работу. Я все эти прелести проходила, знаю, что такое нужда.

У меня не хватило сил отказаться от помощи, уж очень гнусна была жизнь в общежитии. Я поблагодарил Габи и поцеловал ее в хорошо пахнущую щеку. Она покраснела.

Потом мне рассказали, что Габи — венгерская немка, что советские после освобождения Венгрии арестовали ее и отправили в Воркуту, из которой она вернулась только через десять лет.

Рядом с оконцем в прихожую, висели настенные часы с маятником. В простом деревянном футляре, вверху — круглый циферблат, под ним — прямоугольное окошко, сквозь которое было видно качающийся маятник с латунным диском на конце, размером с блюдце. На часах стоял нелепый деревянный голубь, грубая кустарная поделка. Я решил выкинуть и часы и голубя — терпеть не могу вечного тиканья, этого назойливого напоминания о конечности бытия, не люблю и голубей.

...

Процедура подписания договора заняла минут двадцать.

Маклер говорил без пауз, трогал себя за горло, объяснял мне преимущества сданной мне площади, нервно крутил перстень на мизинце, пророчил мне великое будущее, напрашивался на водку и пельмени, мычал и ржал. Хорошо хоть по кругу не бегал.

Я стоял рядом с его столом и смотрел вниз. Казался себе самому живой Пизанской башней. В Германии я — бесправный беженец — живо выучился тому, чему никак не мог научиться на моей советской родине, — молчанию и смирению перед лицом торжествующей пошлости. Днем перевез в студию мои пожитки из общежития. Как мог прибрался в своей новой берлоге. Накупил химии, вымыл окна, отскреб отвратительные багровые наслоения на полу рядом с плитой, вычистил заросший плесенью душ, вымыл туалет, и стол, и стул, и кровать... протер влажной тряпкой покрашенные масляной краской стены, с трудом преодолевая брезгливость, разрезал старый матрас на четыре части, вынес их из дома двумя носками и всунул в мусорный бак. Сходил в мебельный, купил новый матрас и два комплекта фланелевого постельного белья с лиловыми грушами и яблоками, приволок все это в студию, уложил в кровать новый матрас и постелил.

Съел булочку из темной муки, попил горячей кипяченой воды, принял душ, залег в постель и открыл книгу «Женщина на Луне». Читать не смог, заснул как убитый. Видел сон. Будто бы стою я — огромный деревянный истукан — в степи, на голове у меня монгольская шапка, в руках — булава и держава. А недалеко от меня стоит женщина-скелет с огромным светящимся животом, похожим на яйцо.

Проснулся ночью. Часы на стене показывали половину третьего. Сразу заметил — голубь пропал. Улетел? А может быть, его тут и не было никогда?

Прислушался. Улица была тиха, машины еще не ездили, птицы не пели, хотя должны были петь в начале июня. Мертвая, неестественная тишина.

Пошел в туалет. Решил воспользоваться писсуаром. Вот и сюрприз — в писсуаре валялся окурочок! Как же он туда попал? Я же тут несколько часов назад все сам вымыл, вычистил.

Лег и провалился в тот же сон. Только теперь я был не статуей, а голым до

пояса, босым пастухом. И я должен был бичевать свое костлявое тело плетью и подниматься по лестнице. По той самой, винтовой. Выше и выше. А наверху, на Луне, меня ждала лежащая в песчаных дюнах женщина с неохватным животом и с ногами, уходящими, как горная гряда, за горизонт.

...

Разбудил меня какой-то шум. Кто-то чем-то гремел, басовито хохотал и даже запел песню. Я протер глаза... в предрассветных сумерках моя комната показалась мне декорацией экспрессивного немого кино. Кабинет доктора Калигари.

Грохот и пение явно доносились из прихожей. Я заглянул в окошко... и увидел несколько физиономий. Как будто больных желтухой. Они с любопытством смотрели на меня. Я нашел в себе силы встать и натянуть брюки. Вышел в прихожую. Там обнаружил троих голых до пояса мужчин... двое брились и одновременно делали гимнастику, третий чистил зубы и напевал... они представились мне как Шульце, Кюнце и Мюллер. Это были мои соседи по подъезду. Толстенные мордочки господ Шульце и Кюнце напоминали рыла бобров или енотов. Он владели похоронным бюро. Рассказывая об этом, они почему-то застенчиво хихикали и предлагали мне заключить со мной сделку... я плачу им пять тысяч марок, а они «все хлопоты возьмут на себя, когда закончатся отпущенные мне Богом странствия». Кажется, их вовсе не смущало то, что они оба были лет на тридцать меня старше.

Господин Мюллер был похож на поставленную вертикально жужелицу. Когда он сказал, что работает в полиции, мне в голову пришла известная цитата:

Хищный от природы характер он прикрывал маской хорошего парня, презрение к закону — мундиром.

На мой робкий вопрос, что они собственно тут делают, незваные гости ответили не без удовольствия: Вы, кажется, не поняли, господин Сомна... это помещение не принадлежит вам, а является туалетом общего пользования жильцов нашего дома. Это возможно и прискорбно, но это так, а если вы нам не верите, прочитайте внимательно договор, который вы вчера подписали!

Мне оставалось только с позором ретироваться в свою комнату.

Кое-как заклеил окошко в прихожую-туалет газетой, оттащил кровать подальше

от окошка и прилег. И вот, я снова там, на Луне. О, ужас! У меня нет тела, я — голова, и я качусь по пыльным дюнам, и вместе со мной катятся еще тысячи голов. И все мы ворчим и катимся, вроде как свита, за брюхатой женщиной, идущей впереди... нашей повелительницей... ее длинные черные волосы развеваются на лунном ветру... вот она подняла руки, с безвольно опущенными кистями и запела протяжную гортанную песню.

...

Долго спать мне не дали.

— Господин Сомна! Господин Антон Сомна, я знаю, что вы тут, откройте!

— Входите, не заперто.

Ко мне ввалился человек-жук, старший полицеймайстер Мюллер... в новеньком зеленовато-бежевом мундире. Господин Мюллер извинился за то, что меня потревожил, а потом заявил мне, что кровать, на которой я спал, принадлежит ему. Он якобы получил ее в наследство от отца. У него сохранилась квитанция, доказывающая, что кровать эта, кстати, вовсе не палисандровая, а изготовленная из американского тополя, была куплена его отцом в 1933 году в Дрездене. К вящему своему неудовольствию, он обнаружил в мусорном баке матрас с его кровати в разрезанном виде. В связи с этим он подаст жалобу в местное Управление внутренних дел на незаконное использование мусорного контейнера и на частичное уничтожение его собственности.

Я попытался было оправдаться, сослался на маклера, но господин Мюллер был непреклонен. Тогда я предложил Мюллеру сейчас же забрать его собственность вместе с новым матрасом из моей студии. Это решение не понравилось господину старшему полицеймайстеру, он побагровел и заявил, что готов продать мне кровать за три сотни марок и отозвать жалобу. Глядя в его мигающие белесые глаза, я вдруг понял, что эта кровать никогда не принадлежала ни ему, ни его отцу.

Предложил ему семьдесят пять. Больше у меня не было. Мюллер взял деньги и удалился, тяжело вздымая и опуская длинные конечности и яростно сжимая и разжимая мандибулы.

На дворе все еще не рассвело. Я закрыл глаза. Во сне меня посетила фрау Хэнне, жительница четвертого этажа. Она заявила ко мне обнаженной. Фрау Хэнне

томно посмотрела на меня и, ни слова не говоря, легла на мою постель и развела свои полные бедра, на внутренней стороне которых темнели многочисленные синяки. Несколько небольших синяков я заметил и на ее большой отвислой груди. Ее нагое тело напоминало мне вареную курицу. Фрау Хэнне произнесла нерешительно: Не подумайте чего такого, господин Сомна, это все причуды треклятого Мюллера.

И крепко сжала меня ляжками.

После ее ухода, я запер дверь в прихожую на замок.

...

Проснулся я оттого, что кто-то положил мне руку на лицо и прекратил доступ воздуха в нос и рот. Я дернулся, судорожно вздохнул.

— Тихо, тихо, мой мальчик, куколка моя, все хорошо.

Говорила стоящая рядом со мной женщина. Худая как смерть и длиннорукая. Ее лицо напоминало тот синий череп на улице. Темное узкое платье без бретелек едва закрывало ее плоскую грудь. Длинный сосок ее правой груди торчал как мизинчик.

— Кто вы? Как вы вошли сюда?

— Меня зовут Инес Зибель. Я не вошла... я была тут всегда. Ты можешь звать меня просто Инес. Инес. Инес...

Ее голос действовал на меня гипнотически.

Меня больше не интересовало, как она зашла в закрытую на ключ комнату. Ни ее внешний вид, ни ее присутствие в моем жилище не волновали меня. И этот мрачный дом и безумные его обитатели, и эта полумертвая улица, и сам тяжелый промышленный город К., как будто висящий у меня на шее с тех самых пор, как я вышел на перрон его вытянутого как гроб вокзала — все это вдруг перестало меня давить и мучить.

Я услышал, как шелестит лунный песок, гонимый космическим ветром, я почувствовал, как Инес положила одну свою холодную, костлявую руку на мое лицо, а другую — на сердце, и даже не вздрогнул, когда больше не смог вздохнуть.